

Справка

РСФСР Ивановская сельскохозяйственная артель имени Ленина Аркадакского района 22 сентября 1943г.	Дана настоящая справка эвакуированной гражданке Ашихминой Галине Борисовне в том, что она действительно работала при колхозе им. Ленина Ивановского сельского совета и на протяжении своей работы при колхозе с июля 1942 года и по январь 1943г. выработала т/дней 2/3 и р/дней 100. И за 1943 год выработала т/дней 7 и р/д 7. Расчёт за 1942-й год был произведён на 115 т/дней, за остальные дни было засыпано в семейный фонд. С колхозом рассчитана полностью. На что и дана данная справка. Председатель колхоза Счетовод
---	--



В Ивановке нас разместили в семье, где было двое детей, очень тесно, шумно, скудно, но не голодно. Там мама перестала получать письма от отца и «окаменела» от горя.

Помню, как мы с мамой ходили к ручью ловить рыбу — гольцов. Мама осторожно отодвигала камень в ручье и рыбку, лежащую под камнем, накалывала на вилку. Вот такая была рыбная ловля...

В 1943 году, после освобождения Курской области из эвакуации, мы вернулись в Толстый Колодезь, что подтверждается также документом.

Справка

РСФСР Исполнительный комитет Ивановского сельского совета 22 сентября 1943г. № 1/12 с. Ивановка	Выдана Ивановским сельским советом Аркадакского р — на Саратовской области в том, что прибывшая на территорию Ивановского совета 1 июня 1942г. выезжает по вызову 23/IX — 43г. в Курскую область. Председатель с/сов. секретарь
---	---

Школьное здание, где мы раньше жили, было разобрано нашими войсками при наступлении для восстановления моста, взорванного при отходе фашистов. Мы оказались без жилья и скитались по квартирам. Одно время жили у бабушки Мавры Ильиничны. В деревне было очень голодно. Весной люди перекапывали картофельные поля, собирали мёрзлую картошку и пекли оладьи, которые называли «стервотики». Нам с мамой было проще — маме давали паёк по карточкам: муку, крупу, сахар. Иногда это были конфеты «Рокс» — леденцы без обёрток. Это мои первые конфеты, вкус которых я помню до сих пор. Хлеб пекли с добавлением картошки или лебеды. И его вкус я тоже хорошо помню.

Дети в деревне очень голодали, а взрослые даже опухали от голода.

Когда маме дали в пайке конфеты, и она угостила ими хозяйскую девочку пяти лет, девочка стала играть ими, она не знала, что их надо есть...

У хозяев съёмных квартир были дети. И если мы ссорились между собой в процессе игры, виноватой считали меня. В таких случаях мне доставался подзатыльник от мамы. В чужом доме не знаешь, где можно стать, где сесть. Позднее мама купила полуземлянку с окошечком, касавшимся земли. Уроки я готовила на печке полужёла, поставив керосиновую лампу на круглый таз, но училась хорошо — стыдно дочери учительницы получать тройки. До четвёртого класса меня в школе учила мама.

В землянке мы жили до 1954 года. За папу мне до 18 лет платили пособие 218 рублей.

Ещё когда мы жили в землянке, маме дали корову, вывезенную из Монголии в качестве помощи населению, разорённому войной. Она была особой породы — маленькая, быстроногая и свободолюбивая. Молока давала мало, и загнать её из стада домой, было, подвигом. Русские бурёнки послушно брели домой, а «монголка» убегала, особенно трудно было осенью увести её со свекловичного поля, где она могла объесться свекольной ботвой. В мои обязанности входило разыскать её, привести домой в любую погоду — и в грозу, и в дождь. Это было моё «наказание» до тех пор, пока её не сдали на мясо. А мы купили хорошую корову и моя мама, изнеженная любовью отца, имевшая помощницу по дому, сама косила траву — заготавливала сено на зиму корове. На покос мы ходили в поле рано утром или поздно вечером по росе. На тачке везли высохшее сено домой. До сих пор слышу вечерний крик перепелов в поле.

Зимой мы с саночками ездили заготавливать хоть какое —нибудь топливо для печки. Мама обухом топора сбивала маленькие пенечки